

Башня в плюще. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!

Башня в плюще. Марина Ивановна Цветаева

Недавно, раскрыв одну из рильковских “Элегий”, читаю: “Посвящается княгине Турн-унд-Таксис”. Турн-унд-Таксис? Что-то знакомое! Только то было: Тур. Ах, знаю: башня в плюще!

* * *

– Russenkinder, ihr habt Besuch! (“Маленькие русские, к вам пришли!”) Это истопница Мария влетела в пустой класс, где мы, сестра Ася и я, единственные оставшиеся в пансионе пансионерки, равнодушно перевортываем листы наших хрестоматий в ожидании завтрашней, ничего не обещающей, Пасхи.

– Господин, – продолжает Мария.

– Какой?

– Как все. Настоящий господин.

– Молодой или старый?

– Я же вам говорю: как все. Не молодой и не старый, как надо. Идите скорей, только, фрейлейн Ассия, уберите волосы со лба, а то у вас глаз не видно, как у крысоловки.

“Зеленая комната”, заветная, начальница, она же приемная. Навстречу нам, с зеленого кресла – знакомый, неузнаваемый, всегда беспиджачный, а сейчас даже в крутом воротнике, всегда с пивным подносом в руках, а сейчас со шляпой и тростью, такой дикий в соседстве с начальницей, на фоне этих зеленых занавесей – хозяин “Ангела”, Engelswirth, владелец нашей чудной деревенской гостиницы, отец наших летних друзей Карла и Марилэ.

– Господин Майер так любезен, что приглашает вас завтра к себе, в свою семью, на целый день. Он заедет за вами в шесть часов тридцать минут утра и доставит вас сюда в тот же час вечера. Если будет благоприятствовать погода. Разрешение мною уже дано. Благодарите господина Майера.

Остолбенева от счастья и от священности места, робко, – я, почему-то, басом, а Ася писком, – благодарим. Молчание. Герр Майер, не менее нас подавленный священностью места, а может быть, и сдавленный несвойственным воротником, глядит себе на ноги, действительно неузнаваемые в новых башмаках.

Мне почему-то кажется, что ему страшно хочется нам подмигнуть. Никто не садится. Выходя, Ася все-таки догадывается и осмеливается осведомиться: вырос ли Карл и куда теперь отцу.

* * *

Пустой дортуар. Мария только что привернула лампу. Завтра! Под вьками – сначала круто восходящее шоссе, потом, с которого-то поворота, более знаемый, чем видимый, вросший в свою двойную ивовую оправу, любимый, холодный, ундинин полупоток, полуручей Борербах, в который нам, из-за ледяной его воды, всегда запрещали входить и в котором мы, однажды, целиком, в платье... А дальше – распятое на повороте, а дальше с шоссе влево, а дальше – уже совсем близка – из-за сливовой и яблонной зелени, сначала гастхауз[1], а потом и сам Ангел, толстый, с крыльями, говорят – очень старый, но по виду совсем молодой, куда моложе нас! – совсем трехлетний, круглый любимый ангел над входом в дом, из которого нам навстречу фрау Виртин, а главное – Марилэ и Карл, главное, для меня, – Марилэ, для Аси – Карл.

– Завтра! – В шесть часов тридцать минут. – Если будет хорошая погода.

* * *

Первый взгляд – в окно. Собственно, два первых взгляда – окно и на часы. Застегиваю на Асе шесть наспинных пуговиц ее лифчика. Но как же с платьем? В будничном нельзя – Пасха, а в праздничном – ни на дерево, ни под дерево.

Башня в плюще. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

– Я, как приеду, переоденусь в старое Марилино.

– А я? (Ася, обиженно.) Мне Марилино будет до полу!

– А ты – в Карловы панталоны! (И, видя, что она уже плачет:) А ты в Марилину кофточку, она тебе как раз будет до колен. А рукава завернем!

Звонок к завтраку – для нас одних. Начальницы спят. Завтракаем одни с Марией. Завтрак, как всегда, овсяный кофе без сахара (который весь пансион целиком, “добровольно” и раз навсегда, кажется, в день своего основания, уступил “бедным детям”) и хлеб без масла, но зато с каким-то красным тошным растительным клеем, который ест без отвращения и, когда удастся, за всех, то есть слизывает у всех, только вечно голодная, несчастная, всеядная, на редкость прожорливая бразилианка Анита Яутц.

– Ах, фрейлейн Ассия, вы опять заклеили всю клеенку! Давайте я за вас доем, а то только четверть часа осталось.

* * *

Половина седьмого. Без четверти семь. Семь. Погода не чудная, погода, собственно, средняя, все небо в тучах, но, во всяком случае, дождя нет. Еще нет. Половина восьмого. Он, конечно, задержался на рынке и сейчас, сейчас будет. И не может же герр Майер, мужчина, эти несколько капель считать за дождь! Капли учащаются, сначала струи, потом потоки. В восемь часов явление младшей начальницы, фрейлейн Энни.

– Дети, через полчаса будьте готовы в церковь. Герр Майер теперь, конечно, уже не приедет.

В восемь часов пятнадцать минут звонок к мытью калош. Звонят для нас одних.

* * *

О чем говорит проповедник? Ася, самая младшая из всего пансиона и всегда засыпающая от проповеди, нынче в первый раз не спит. Не спит, а тихо и крупно плачет. Но хуже, чем “не приехал”, другая мысль: “А вдруг приехал? И, не застав, уехал? Нынче ведь пасхальное воскресенье, весь город подымется в “Ангела”, герр Майер ведь с провизией, он не может ждать”.

На обратном пути фрейлейн Энни мне:

– Почему же ты ничего не говоришь, Руссенкинд? Ассия хоть плачет. Разве тебе не хотелось к твоим друзьям, на высоту?

– Ах, я всегда знаю, я заранее знала. Это было бы слишком прекрасно!

И внезапно, вместо слез, раздражаюсь знаменитым двустишием:

Veñt Dich Gott, es war zu schцn gewesen!

Veñt Dich Gott, es hat nicht sollen sein![2]

– Я радуюсь твоему поэтолюбию, Марина, но знать шеффеля тебе все-таки еще рано.

– Я не читала, это мама всегда поет!

* * *

После обычного воскресного завтрака: “красного зверя”, как мы его, не зная, называем, и ревенного компота, – моем, по отдельному звонку (звонят для нас одних), в пустом дортуаре руки. А небо, проплакавшись, чудное!

Запыхавшаяся Мария:

– Руссенкиндер, фрейлейн велят вам поскорее одеваться во все лучшее.

– Мы и так в лучшем.

– А кружевных воротников у вас нет?

Башня в плюще. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

– Нет.

Мария сияет:

– У меня есть. И я вам их одолжу, потому что... мне тоже здесь плохо!

Бежит и возвращается с двумя: огромной гипюровой пелериной с вавилонами, спускающимися ниже пояса, – ни дать ни взять гигантская морская звезда, в середине которой просунули бы голову, – с гипюровой звездой для меня, с самовязанной для Аси. Мне моя – до живота, Асина ей – до колен.

– Теперь вы красивые, как ангелочки!

(Ах, Ангел, Ангел!)

... Гулять. Гулять одним с фрейлейн Энни – на тот же Шлоссберг, – да еще в воскресных платьях, – в которых никуда и ничего... На только нас двух – целая фрейлейн Энни...

Облачась, я – во всеместно меня выталкивающий, Ася – в излишне просторный, как-то отдельно от нее живущий, – жакеты, шагом нерадующихся детей и теней спускаемся.

Экипаж, даже ландо. Ландо, во всей глубине слова и во всем блеске явления. Глубокое лакированное ландо, запряженное двумя шоколадными, такими же лоснящимися, лошадьми. В глубине обе фрейлейн, в чем-то черном, стеклярусном, непроницаемом, торжественно-погребальном, в черных шляпах с лиловыми букетами и с букетами ландышей в руках.

– Садитесь же, дети!..

Робко ставим ногу на подножку.

– Садись, ты, Марина, как старшая, против меня, а ты, Ассиа, как младшая, против фрейлейн Энни.

(Что лучше: рачьи, лягушачьи, огромные, немигающие глаза фрейлейн Паулы или болонкины, из-под болонкиных же кудельков, непрерывно мигающие красновато-голубые фрейлейн Энни?)

Ландо, в полном молчании, отплывает.

* * *

Сначала старые дома, потом счастливые дома, глядящие в поля. Счастливые поля... Потом еловые холмы, встающие вдаль, идущие вблизи... Шварцвальдские холмы...

Куда? А вдруг (безумная мечта), а вдруг – туда, в “Ангел”? Но дорога не та, та вверх, эта ровная. И ворота не те, те с Георгием, эти – с Мартином... Но если не туда, – куда? Может быть, никуда? Просто прогулка?

– Как же вы не спросите, Руссенкиндер, куда мы едем и откуда эти лошади?

– Взрослых спрашивать нельзя (Ася).

– Лучше, наверное, не знать (я).

– Похвальная воспитанность (Асе). Опасная мечтательность (мне). Мы едем... – И вдруг в мое ухо ударяет созвучие: Тур-унд-Таксис. И молниеносное видение башни в плюще. Ныне, впервые, над этим задумавшись, понимаю: Thurn, принятая мою за Turm[3], – давало французскую tour (башню), а Taxis, по созвучию с растительным Taxus, точного значения которого я тогда не знала (тисовое дерево, тис), давало плющ. Тур-унд-Таксис. Башня в плюще.

* * *

Башни не оказалось никакой. Оказался белый дом с террасой и с темными, как всегда днем, ночными глубокими глазами окон, так похожими на те, которыми глядит на нас, вся каштановая, вся каряя, такая же кареокая, как сопутствующая ей собака, и с таким же каштановыми насечками, – поднявшаяся с террасы и коричневым

Башня в плюще. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
облаком на нас спустившаяся молодая женщина, не похожая ни на одну.

– Я вам сердечно благодарна, что захватили с собой детей. Одни в пансионе, на Пасху? Бедные существа! Как их зовут? Марина? Азия? Какие красивые имена, совсем по-итальянски. Вы говорите, Руссенкиндер. Но старшая, для ее лет, еще и Ризенкинд! (Великанское дитя.)

У этой женщины чудесный, за сердце берущий, певучий голос, тоже такой же каштановый. (“Вчера я слушала виолончель, она звучала совсем как твои карие глаза”. Так старая мать Гёте пишет молодой Беттине.)

– Ты рада, Азия, что приехала сюда?

– Да, либе фрау. (Милая дама, означающее еще и Богородица.)

– Нельзя говорить “либе фрау”, нужно говорить “фрау фюрстин” (княгиня), – замечает фрейлейн Паула.

– Ради Бога! Разве можно детей, да еще такого ребенка, переучивать! (И, спохватившись:) Конечно, милые Азия и Марина, вы во всем всегда должны слушаться фрейлейн Паула, но сегодня мы все вместе, – и Марина, и Азия, и я...

– И Тирас, – вставляет Ася.

– Само собой разумеется, и Тирас, будем просить ее о снисхождении ко всем нашим маленьким вольностям и погрешностям, потому что мы с Тирасом ведь тоже и не меньше вашего, дети, ошибаемся. Не правда ли, Тирас?

Тирас. Шоколадный, но не красный, не лохматый, если и сеттер, не ирландский. Глаза, при ближайшем рассмотрении, зеленоватые, но взгляд – хозяйкин. Смущенные новизной места и сосредоточенностью на нас старших, пока что еще робко, как бы равнодушно, пса поглаживаем, зная, что в свой час, когда взрослые заговорятся, наверстаем.

Чай неопишуем. Для того чтобы живописать его, нужно было бы живописать ведь предшествующий шестимесячный пансионский голод и, что для детей, может быть хуже голода, всю неопишуемую скуку того спартанского меню: мучной суп, чечевица, ревеня; гороховый суп, картошка, ревеня. Ревеня, ревеня, без смены. Очевидно, потому что рос в саду, а варился без сахару. Ну и лют же должен был быть голод и жестока скука, чтобы две вовсе не прожорливые и менее всего кровожадные девочки часами мечтали, как они когда-нибудь руками изловят и на лампе изжарят нежных, волшебных, голубопятнистых, скользких в садовом ручье “Энниных” форелей, которые, со слов фрейлейн Энни, еще вдобавок понимают музыку.

Оставим неопишуемый чай, который, кстати, оказался чистокровным, в неограниченном количестве, шоколадом, с таким же и в таком же неограниченном количестве не предложенным, а на тарелки положенным зандкухеном[4]. Скажем только, что желудки были так же счастливы, как глаза, как уши, а уши, как души.

Впрочем, уши что-то начинают смущаться. Некоторых вещей не знаю, некоторых не узнаю. Мой отец, по словам фрейлейн Паула, знаменитый архитектор, который строит уже второй в Москве музей (первый, очевидно, Румянцевский!), наша мать – знаменитая пианистка (никогда не выступала публично), я – необычайно одарена, “geistreich” (а арифметика? а рукоделие?), Ася необычайно “liebreich” (любвеобильна). Я настолько “geistreich” и “fröhreif” (раннего развития), что уже печатаюсь в русских детских журналах (получаю “Друг детей” и “Родник”), а Ася настолько любвеобильна, что после каждой еды приходит к ней, фрейлейн Паула, “делать кошечку”, то есть ластиться. (Салфеток ученицам не полагается, и Ася, еще не умеющая обходиться без, совершенно сознательно после каждой трапезы вытирает рот, щеки и руки, то есть горох, сало и ревеня, о верх все того же черного платья невинной, умиленной фрейлейн Паула. И все это знают, кроме ласкаемой. И все, с наслаждением мести, ждут.)

– Все им могу простить... если бы они что-нибудь сделали!.. За голос, которым они, завидев на улице собаку, говорят: “Ein Hu – und!”

В это время мы, и гейстрих, и либрейх, уже лежим с собакой на полу и предаемся упоенному и деловитому нацеловыванию ее, Ася в одну щеку, я в другую, каждая в

Башня в плюще. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
свой собачий профиль.

– Лучше не целовать в морду, – как-то неубежденно замечает хозяйка, – говорят, что у них...

– У них ничего нет! – горячо возражаю я. – Мы всю жизнь целуем!

– Всю жизнь? – переспрашивает Тур-унд-Таксис. – Всю вашу долгую, долгую жизнь? Значит, у них, действительно, ничего нет.

И опять в ушах ровная пряжа Паулиного нахваливания: отец – то-то... Мать – то-то... Младшая без слез не может видеть букашки... (Ложь!) Старшая знает наизусть всю французскую поэзию... Пусть фрау фюрстин сама проверит...

– Скажи мне, кинд, свое любимое, из всех любимое стихотворение!

И вот уже мои уши физически привстают от звука моего собственного голоса, уже плывущего по волнам великолепной оды Гюго “Наполеон II”.

– Скажи мне, Марина, какое твое самое большое желание?

– Увидеть Наполеона.

– Ну, а еще?

– Чтобы мы, чтобы русские разбили японцев. Всю Японию!

– Ну, а третьего, не такого исторического, у тебя нет?

– Есть.

– Какое же?

– Книжка, “Heidi”.

– Что это за книжка?

– Как девочка опять вернулась в горы. Ее отвезли служить, а она не могла. Опять к себе, “auf die Alm” (альпийское пастбище). У них были козы. У них, значит, у нее и у бабушки. Они жили совсем одни. К ним никто не приходил. Эту книгу написала Иоганна Спири. Писательница.

– А ты, Азия? Каковы твои желания?

Ася, скоропалительно:

– Выйти замуж за Эдисона. Это первое. Потом, чтобы у меня был “ascenseur”[5], только не в доме, без дома, в саду...

– Ну, а третье?

– Третьего я вам не могу сказать. (Взгляд на фрейлейн Паула.) Совсем не могу сказать!

– Дитя, дитя, не стесняйся! Ты же ничего плохого не можешь пожелать?

– Это не плохое, это... неудобное, неприличное. (Испуганное лицо фрейлейн Паула.) Оно начинается на W. Нет, не то, что вы думаете! – И вдруг, привстав на цыпочки и обняв за шею испуганную и улыбающуюся фрау фюрстин, – громким шепотом: – weg! (Вон!) Вон из пансиона!

Но обе не слышали, должно быть, не услышали, ибо одновременно и очень горячо заговорили, – о чем-то совсем другом, о Pfingstferien (каникулы Троицына дня), куда поедет пансион и поедет ли.

* * *

Как хорошо сидеть спиной к лошади, когда прощаешься! Вместо лошадей, которые непоправимо везут и неизбежно доставят нас туда, куда нехочется, в глазах то,

Башня в плюще. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru откуда не хочется, те, от кого... Бесстрашно и бессовестно минуя взглядом: Ася – фрейлейн Энни, я – фрейлейн Паула, глядим меж их шляп, поверх их голов, – Ася, сначала привставшая, стойком стоит, – на белый дом в темном меху хвои, дослушиваем последние “лайки” Тираса, вместо предполагаемой прогулки увлекаемого хозяйкой в дом и с которым мы бы так охотно поменялись, – не только местом! Внутри, глубже слуха, внутренним слухом любимый – хранимый – длинный, неотразимый голос:

– Gott behüt Euch, Liebe Fremdenkinder! (Храни вас Бог, милые чужие дети!)

* * *

Неделю спустя, когда белый дом уже окончательно ушел в хвою, ели окончательно сомкнулись, голос окончательно ушел в глубину, фрейлейн Паула в той же зеленой комнате вручила нам с Асей по пакету. В том, с надписью “Марина”, оказалась книжка “Heidi” и другая “was wird aus ihr werden” (“Что-то с нею будет?”), с над “ihr” красивым наклонным почерком: “dir” (тобой), а после “werden” – “Liebe Marina?”. (Что-то с тобою будет, дорогая Марина?) В том, с надписью “Азия”, – коробка с кубиками, из которых можно построить не только лифт, но целый Нью-Йорк, тот Нью-Йорк, где будет праздноваться ее свадьба с Эдисоном.

* * *

Дуинские “Элегии” Рильке. Тур-унд-Таксис. Башня в плюще.

1933

Примечания

1

Гостиница (нем.).

2

“Храни тебя Бог, это было бы слишком прекрасно!

Храни тебя Бог, этому не суждено было быть!”

3

Башню (нем.).

4

Песочным пирожным (нем.).

5 лифт (фр.).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!